

ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РОССИЙСКИХ ПЕРЕСТРОЕК: ЕВРАЗИЙСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС МОДЕРНИЗАЦИИ

С.Н. Некрасов

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*

Статья посвящена культурному генезису прошедших и будущих перестроек в СССР-России, вытекающих из либеральной идеологии прав человека и личности. В ближайшие годы нам предстоит третья перестройка, она позволит через трансформацию повседневности и отказ от мифологемы личности войти в историю самым широким массам.

Ключевые слова: мифологический дискурс личности, неоиндустриальный вектор развития России, идеология молодого Маркса, зрелый марксизм, евмарксизм.

PERSONALITY AND HUMAN RIGHTS AS THE CENTRAL THEME OF THE RUSSIAN REARRANGEMENTS: EURASIAN-CULTURAL DISCOURSE MODERNIZATION

The article is devoted to the cultural origins of the past and future reorganizations in the USSR-Russia, arising from the liberal ideology of human rights and personality. In the coming years we will have the third restructuring, it will allow through the transformation of everyday life and the rejection of the myth of personality to enter into the history of the broad masses.

Keywords: mythological discourse personality, neoindustrialist vector of development of Russia, the ideology of the young Marx, mature marxism, euromarxism.

С.Н. Некрасов, УрФУ. Личность и права человека как центральная проблематика

Все перестройки в XX веке в России — СССР — России строились на идеологии личности и прав человека, которая с евразийской точки зрения представляет собой применение принципов западной индивидуалистической философии к правовой системе. Более того, абсолютизация идеологии прав человека и интереса к приоритету роли личности в социальном процессе «будет с необходимостью сопровождать глобализацию либерального порядка и мондиализацию мира под эгидой атлантизма» [1, 64]. Поэтому, всякий раз, когда в обществе начинается волна рассуждений на тему прав человека и роли личности, ждите перестройку. Если попросить офицера провести перестройку подразделения, то естественным будет вопрос — как перестроиться, сколько в ряд и в какую сторону двигаться? Речь, следовательно, должна идти об упорядочении целого, в обществе о решении вопросов существования и взаимодействия народов, классов, наций — только в рамках этих процедур успешной может быть постановка вопроса о личности, ее правах и интересах. Ответом на агрессию глобализации либерализма и мондиализацию мира, может быть выстраивание полностью научного мышления как нарративного дискурса русского народа в рамках евразийского сообщества. Носителем такого дискурса оказывается ряд левых партий и правых движений, смыкающихся в ходе выстраивания научной идеологии в единое синтетическое эпистемологическое поле. Известно, что программа КПРФ, равно как и докторская диссертация Г.А. Зюганова пронизаны идеями евразийской геополитики и наоборот, идеи Евразийского движения оплодотворены левыми эгалитаристскими интенциями. Достаточно посмотреть сайты евразийского движения, открыть архив газеты духовной оппозиции «Завтра», и мы увидим переплетение левого и правого векторов духовной жизни. Это переплетение создает условия для строгого научно-выверенного определения социальной динамики — не перестройки, но революции — национальной, социальной и культурной. Поэтому научная идеология отвергает ведущий к перестройкам и глобализационной оккупации мифологический дискурс личности, человека и его прав. Она выдвигает в результате выявления этнической идентичности

русских в качестве синтетического этноса необходимость революции, выстраивающей строго научно новые тренды континентальной специфики России, национального мессианства, государствообразующего значения армии в русской истории, евразийского производства и промышленной модернизации, неоиндустриальной модернизации без вестернизации, византийского «аграрного социализма».

К сожалению, евразийская идеология в начале XXI века еще не породила представление об отказе от сугубо мифологического западнического деления исторического процесса (по А. Тоффлеру) на три волны — аграрного, индустриального и постиндустриального общества. Отказ от марксистского понимания Общественно-экономической формации, забвение марксистской «пятичленки» как будто бы отвергнутой опытом XX века, привело неоевразийство к мифологеме постиндустриализма как цели исторического процесса, в конечном счете, понятом как «конец истории». На самом деле нам еще только предстоит синтезировать модели Общественно-экономической формации и Цивилизации, результатом чего может стать научное представление о неоиндустриальном векторе развития России.

Евразийское мышление пока еще мифологически понимает мессианскую природу нашего народа как продукт загадочной жизни через тысячелетия преимущественно славянского индоевропейского народа со значительным элементом тюркских и угорских этнических и культурных черт. Пока известно, что фактический синтез белой и желтой рас не оставляет оснований для шовинизма и узкого национализма, но открывает путь к объединяющей имперской, евразийской психологии и культуре. В этой культуре проблема личности и прав человека — не главная. Но ведь о том же и совершенно не по-евразийски, а с точки зрения научной и классовой идеологии писал К. Маркс. Получается, что синтез классового западного научного подхода и синтетического евразийского позволяет получить дальнейшую интеграционную научную модель для общественного сознания русского народа. Эта модель носит не мистический потусторонний мессианский характер, задает не религиозно-бессильный протестный консервативно-

реакционный вектор социокультурной динамики вспять, но прямо указывает на прогрессивное освоение объединенным человечеством природными силами, господство над собственными социальными отношениями.

Донаучное мышление представляло себе общество, в котором вектор изменения задавался идеалами великой личности. Соответственно, идеология Просвещения активно рассуждала на тему о «роли личности в истории», имея в виду великую личность, стоящую над обществом. Такой дискурс, подвергнутый критике в марксовых «Тезисах о Фейербахе», сохраняется и сегодня в более простой форме идеалистического представления истории, когда любые социальные процессы выводятся из воли и сознания людей. Правда, деградация нарратива привела к дискурсивному представлению об обыденности и повседневности человеческой жизни, из которой и исходят импульсы социокультурной динамики. В результате мы видим постмодернистские исследования культуры повседневности, габитуса, габитус-китча в широком диапазоне от изучения истории великого продуктового обмена в исторической школе «Анналов» до упрощенных социологизированных социологий моды — историй мужского берета, грубошерстного пальто, сигары. Сознание и ничего кроме сознания не скрывается за этими донаучными мифологизированными штудиями.

Поскольку опыт развития научного познания показывает неравномерность созревания наук — в диапазоне от простых естественных дисциплин до сложных гуманитарных наук о человеке и сложнейших неестественных наук об обществе — можно прийти к выводу о том, что простейшие первоначальные попытки объяснить общество выливались в форму утопического программирования и моделирование идеального его состояния. Несомненно, здесь следует различать постановку вопроса о личности в истории (реальной истории общества) и личность в «истории» как дисциплине, имеющей свое место в каждый раз новой дисциплинарной структуре науки. То же самое относится к представлениям об обществе в самом широком диапазоне — от идеологии и утопии как нормативного моделирования эпохи традиционного общества (от Платона

до К. Маркса) до нарратива вокруг симулякров потребительского общества эпохи постмодерна (от Э. Фромма до Ж. Бодрийяра). Между тем научный дискурс только еще возникает по мере появления неоиндустриального общества — и каждый раз при проявлении человеческих сущностных сил в новую эпоху человечество создает устойчивый континент науки. Наука, повторим, вызревает неравномерно. Она зреет быстрее в области естественных объектов исследования. Поэтому естественные науки прорастают достаточно быстро: древние греки создали первый континент математики, основанный на наглядном мышлении и отвлечении от чувственной стороны предметов. Физика как второй континент человеческого научного знания была создана в Новое Время и стала наукой буржуазного индустриального общества в тот момент, когда перешла от образа «теплоты» к понятию «температуры» с ее таксонами и измерениями. Третий континент был создан Марксом, который подобно Дарвину, положил конец взглядам на общество как на хаос сталкивающихся сил и волю, и обнаружил объективные закономерности социального развития, вытекающие из материалистического понимания истории. Очередная попытка создания четвертого континента психологии была предпринята Фрейдом и оказалась сомнительной и научно-неверифицируемой вследствие того, что не могла быть приложена ко всем человеческим обществам, а потому осталась на грани терапии, экспериментального шаманизма. Выяснилось, личность — не совсем зрелая научная конструкция, а незрелая идеологема. И Маркс за неимением времени и стоя перед необходимостью разработки научной концепции социальной революции пролетариата как универсального эмансипатора человечества, был вынужден оставить для будущих исследователей, перспективу разработки социально-психологической теории личности, основы которой он заложил в своих ранних трудах. В поздних трудах он переходит к изучению классов и аппаратов государства, создавая тем самым основы научного понимания социального процесса.

Марксизм Маркса изначально имел две формы. Первая, ранняя — еще ненаучная и антропологическая концепция

«Экономическо-философских рукописей 1844 г.» — построена по модели «ореха» (схема «Гегель в Фейербахе»), и изобилует чуждой зрелому марксизму терминологией из области психологического анализа общественных отношений, вроде «отчуждение», «личность», «человек». После «эпистемологического разрыва 1848 г.» (термин Л. Альтюсера) марксизм стал пользоваться понятиями: «эксплуатация», «индивиды как суппорты социальных отношений», «классовые индивиды». Сама теория «товарного фетишизма» в первом томе «Капитала» стала остатком прежнего ненаучного антропологического крена, экивоком и заигрыванием с гегельянщиной. Второй формой марксизма — зрелого и научного, где отсутствует проблематика личности — стали подготовительные рукописи к «Капиталу» и последующие труды К. Маркса и Ф. Энгельса. Встать на точку зрения признания марксизмом трудов раннего Маркса — значит стать последователем Р. Гароди, отвергнутого за ревизионизм ФКП еще в 1966 г., и завершающего свои дни в обличии модернизированного мусульманина. Перестройка СССР начиналась с крена в рассуждения об общечеловеческих ценностях, личности, ее новом мышлении и о правах человека, использованных западными спецслужбами и манипулируемыми ими диссидентскими группами.

Мысль о том, что классовая борьба рабочих приведет к свержению господства буржуазии и власть возьмет в руки пролетариат, потрясает мир до сих пор, а процесс формирования пролетариата в класс и завоевания им политической власти может стать смыслом жизни передовой интеллигенции. Западные — историцистская (А. Грамши) и структуралистская (группа Л. Альтюсера) — версии марксизма в XX в. настаивали на том, что диктатура осуществляется через гегемонию класса, через идеологические аппараты государства. Сталинизм подорвал саму веру в марксистский проект. Вспомним, что замена диктатуры пролетариата диктатурой номенклатуры, разоблачение культа личности и его последствий XX съездом КПСС поставили левых интеллектуалов Запада, особенно в Италии и Франции, в трудное положение: трудно было противостоять тогдашнему гуманистическому экзистенциалистскому «прибою» и иным формам штурма марксизма буржуазной идеологией.

В 60 гг., полагает Альтюсер, в марксистской философии назрел «теоретический скандал». Марксистской теории угрожала в первую очередь «буржуазная и мелкобуржуазная картина мира», основанная на проблематике личности. Он подчеркивает, что общая форма этой концепции мира: экономизм (сегодня «технократизм») и его «духовное дополнение» — моральный идеализм (сегодня «гуманизм»).... Экономизм и гуманизм составляют фундаментальную пару буржуазной концепции мира с момента возникновения буржуазии. И далее: современная философская форма этой концепции мира: неопозитивизм и его «духовное дополнение» — феноменологический субъективизм-экзистенциализм. Сам Альтюсер выдвигает требование бегства от сталинизма через развитие науки, к которой «Маркс дал нам ключи», и новой философии, соответствующей требованиям борьбы революционных классов. По мысли Альтюсера, Маркс основал «новую науку: науку об истории». Альтюсер обращается к образу континентов, которые открывает познание. До Маркса были открыты два континента: математика (греки) и физика (Галилей); Маркс открыл третий — историю. Гуманизм, возникающий на острие критики сталинизма, объявляется компонентом буржуазной идеологии, а сама философия осмысления гуманизма и антигуманизма оказывается «борьбой классов в теории». Для Альтюсера, выросшего в борьбе с бесклассовым гуманизмом Р. Гароди, «философская битва № 1» разыгрывается на границе между научностью и идеологичностью: философы-идеалисты, эксплуатирующие науки, борются против философов-материалистов, служащих наукам. Однако открытая Марксом новая наука об истории меняет всю ситуацию в теоретической области: она позволяет покончить с традиционным господством идеализма. Отсюда огромное внимание к словарию «философской практики», который обозначает «линию демаркации» между ложными и истинными идеями, а, в конечном счете, и между антагонистическими классами. Философия помогает людям различать в теории и в идеях верные положения и ложные. Оружием в политической борьбе служат слова. Альтюсер подчеркивает, что борьба классов может порой резюмироваться в борьбе за

или против слова, за термин. Таково слово «гуманизм» и связанный с ним термин «личность». Хотя коммунисты борются за свободное, справедливое общество, нельзя говорить, что марксизм — это гуманизм, ибо на практике термин «гуманизм» используется буржуазной идеологией для противопоставления «жизненно важному для пролетариата понятию: борьба классов».

Другой пример Альтюсера: марксисты должны отказаться от выражения «человек творит историю». Почему? Потому, что оно используется буржуазной идеологией в противовес классическому пролетарскому выражению: «массы творят историю». Философия, следовательно, сражается за понятия, за слова, за их верный смысл и его нюансы, и эта борьба является частью политической борьбы. Так, марксизм ведет бой и в сфере научных понятий («концепция», «теория», «отчуждение», «дискурс»), и в сфере обычных, выражающих их терминов («люди», «массы», «народ», «борьба классов»). Следует отметить, что жесткий классовый подход в понимании марксизма как «теоретического антигуманизма» пришел в ФКП на смену преобладающей в ней в первую половину 60 гг. стратегии «открытых объятий» марксистского гуманизма. Выдвинутая бывшим членом ЦК французской компартии Р.Гароди, она критиковала отчуждение и дегуманизацию в деголлевской Франции, стремилась реализовать диалог и единство с гуманистами, экзистенциалистами, социалистами и христианами. Идеи Гароди на практике совпадали с известным тезисом Ж.-П. Сартра: «экзистенциализм — это гуманизм». Тем самым Гароди интегрировал идеи молодого Маркса в тогдашнюю ортодоксию ФКП. Тогда же вместе с М. Годелье и Л. Себагом — молодыми антропологами — Альтюсер подготовил структуралистскую интерпретацию трудов Маркса. Речь идет о выделении в работах Маркса периода (до 1845 г.), содержащего отрыв («купюру») от буржуазной идеологии, и периода созревания (1845—1857 гг.). Такая периодизация предполагала выявление «белых пятен марксизма» — остатков перевернутого гегельянства. Таковыми оказываются модель базиса и надстройки и иные фантомы, идущие от «тени Гегеля». Поэтому открытый Марксом в «Капитале» исторический

материализм не был концептуализирован как новая наука, не приведен в состояние теоретичности и заражен идеологическими терминами, гегелевским способом изложения, с которыми Маркс имел слабость кокетничать. Получается чеканная формула: марксизм как наука и научная философия есть «теоретический антигуманизм».

История XX века показывает, что в условиях десталинизации, когда проблемы морали и политики выходят на первый план, начинает господствовать идеология молодого Маркса. Она может временно заменять теорию, отвергая догматизм сталинизма. Однако XX съезд КПСС в докладе Н.С. Хрущева, псевдомарксистски объяснив нарушения социалистической законности и отнеся культ личности к надстройке, внедрил «сердце буржуазной идеологии» (гуманизм) в рабочее движение и в обновление социализма, что и заставляет творческих марксистов прибегнуть к испытанному оружию марксизма — философии. Сталинские преступления — это не отклонения и деформации социализма, но продукт продолжающейся классовой борьбы. Необходимо преобразование практики масс в философские тезисы. Центральная задача здесь — критика гуманизма, ликвидация кантианского наследия путем устранения понятия субъекта. Именно поэтому вслед за удалением ревизионистской модели гуманизма из марксистской теории должно последовать ее выбрасывание из практики.

Появление в СССР в результате передачи германскими социал-демократами рукописей раннего Маркса (у нас они были изданы в 1956 г.) совпало по времени с разоблачением культа личности Сталина на XX съезде КПСС. Как известно, супруга К. Каутского сбежала к прекрасному любовнику Ф. Энгельсу. В ответ немецкая социал-демократия надолго спрятала в архивах труды ранних Маркса и Энгельса. Получилось, что ни Ленин, ни Сталин не были знакомы с ранним Марксом. После великой Победы в войне коммунисты ГДР из СЕПГ передали в Институт Марксизма-ленинизма рукописи Маркса. Перевод занял два года и том «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» был издан к 1956 г. Проблематика культа личности прямо вытекает из гуманистической тематики раннего марксизма.

С.Н. Некрасов, УрФУ. Личность и права человека как центральная проблематика

Гуманистический перелом в общественных науках привел к появлению марксистов, исходивших в своих построениях из тезиса о тождестве личности и общественных отношений. Такая радикальная социологизация образа человека призывала к изучению потребностей человека и провозглашала вслед за «Рукописями» грядущее торжество наиболее полного удовлетворения растущих потребностей советского народа и всесторонне развитой личности. Вся хрущевско-горбачевская перестройка исходила из необходимости демократизации для построения «социализма с человеческим лицом» и потому была целиком навеяна работами раннего Маркса. По отношению к образу социализма позднего Маркса-Ленина-Сталина такая перестройка объективно была ревизионизмом, а ее деятели — ренегатами.

Спор о подлинном Марксе проходит на фоне признания значения учения Маркса его противниками. Так, К.Р. Поппер показывает, что наука после Маркса никогда не будет походить на домарксистскую науку. Р. Арон, полагая, что Маркс загадочен и стал известен миру только после своей смерти, считал, что происходит периодическое разложение не марксизма, но марксианства, которое рассматривает учение Маркса как «Библию рабочего класса». Сам Маркс никоим образом не рассматривал себя как оракула, поскольку теоретически изучал капиталистическое общество и высказывал ряд предположений о зрелом коммунистическом состоянии. Наконец, критика учения Маркса должна быть не огульной, но поставленной в контекст тех или иных высказываний. Так, тезис о том, что «у пролетариев нет Отечества» соответствовал тому периоду европейской истории, когда у рабочих не было избирательного права, а избирали только собственники, в этих условиях у пролетариев, действительно, не было Отечества.

Именно ранний Маркс был объявлен подлинным в короткое время хрущевской оттепели и горбачевской «катастрофы» (термин А.А. Зиновьева). В результате в СССР во второй половине XX в. восторжествовал ранний Маркс, которого официально по аналогии с лукачевским образом «молодого Гегеля» стали называть «молодым Марксом». Именно идеи

молодого Маркса определили вектор перестройки (вдохновили массы на демократическое дымовое прикрытие бюрократической революции аппарата) и привели в конце XX в. к формированию системы сталинизма, но без Сталина.

Очевидно, что XXI в. в России будет не мондиалистским эксплуататорским, ни национально-патриотическим, ни государственно-социалистическим, ни гуманистическим — социалистическим и общинным, т.е. евразийским по идеологии и принципам человеческих отношений. Новая концепция человека ныне только рождается после стольких фальстартов, и ранний Маркс будет господствовать в русском XXI в. в виде гуманистически-общинной идеологии русского социализма и социальной справедливости. Только вряд ли это будет какой-то новый социализм, рожденный из антимондиалистского хаоса: социализм будущего абсолютно традиционен, сугубо научен и интернационален. Похоже, после короткого «оверштага» история вновь собирается развиваться по Марксу, то есть двигаться в направлении коммунистической организации общества путем преодоления частной собственности! Переходной формой марксизма и нового представления о социализме в период борьбы за восстановление национальной независимости становится «еврамарксизм» (*термин наш* — С.Н., одобренный А.Г. Дугиным, а прежде участниками Международного конгресса марксистов в Институте Философии РАН в 2002 г.). Евракоммунизм и еврамарксизм — евразийский марксизм, основанный на примате евразийской геополитики. Геополитика здесь органично сочленяется со структурным концептуализмом позднего Маркса. Уже сегодня на повестку дня в условиях краха террористической глобализации ставится «синтетический коммунизм» как повторение на новом витке античного способа производства. В глобальной доминации капитала поднимаются силы, готовые к третьей исторической попытке построения социализма. В этой попытке пересмотр принятого употребления гуманистической терминологии предполагает синтетический подход к исследованию личности как исторического феномена и идеологического конструкта.

Учитывая курс французского структурализма (М. Фуко) на обоснование «стирания человека», исчезновения идеологемы

человека с классической эпистемы как научной карты мира и замену идеологического ненаучного образа человека на «бытие языка», можно прийти к выводу о том, что как только мы слышим «личность», «права человека», «человеческий фактор», «качество жизни», «достойная заработная плата», «оплата труда» — с нами говорит человеческим языком лукавая буржуазная идеология, которая выдает своекорыстные интересы класса за интересы нации, народа, общества. Эта идеология не сообщает нам, что заработная плата — это выраженная в денежной форме стоимость рабочей силы, а таковая разная в зависимости от климатических условий, исторических предпосылок и накала классовой борьбы. Повторим лозунг ельцинистов, вывешенный в Екатеринбурге (переименованном как символ возврата в прошлое) к 7 ноября: «Пролетарии всех стран, больше не пролетайте!» Добавим к этому лозунгу призыв Мао Цзедунa, который, как известно, по постановлению ЦК КПК, был «прав на 80%» — «никогда не забывать о классовой борьбе».

Ненависть бывшего советского народа к перестройке, а также полное оправдание перестройки либералами как необходимой операции по разрушению «совка» как «империи зла» еще не позволяет следовать логике участников телевизионного «Суда истории», то есть становиться на ту или иную сторону. Разумеется, сто раз права команда С.Е. Кургияна и ее аргументация выверена точно. Однако, такие исторические сдвиги как перестройка необходимо рассматривать в более широкой исторической перспективе и в отличие от общепринятого мнения о том, что «история не знает сослагательного наклонения», правильнее вспомнить высказывание классика о том, что история — не ровный тротуар Невского проспекта. Все это значит, что перестройка — не самостоятельное явление новейшей истории.

Перестройка вырастает из объективных потребностей реформирования общества. Весь вопрос заключается в том, в каком направлении эта перестройка настраивается и реализуется. Первый раз такая острая необходимость преодоления антисоциалистических тенденций возникла еще до смерти И. Сталина и обострилась в период перехо-

да к развернутому строительству коммунизма. В 50 гг. возникла протоперестройка, результатом которой могло быть не переход к коммунизму, но быстрый демонтаж самих основ социализма — как это, в сущности, произошло в ходе второй перестройки во второй половине 80-х гг. при провозглашенном курсе «больше демократии, больше социализма». Изменение губительного для социализма курса первой перестройки и формирование протоперестройки возникло не спонтанно. Н.С. Хрущев разгромил коррумпированную советскую партийно-хозяйственную машину в Узбекской ССР не спонтанно. На Лейпцигской выставке в 1959 г. он получил через секретаря В.И. Ленина Е. Стасову письмо и докладные записки о положении в республике. Последовал визит в Ташкент, жесткие меры, введение расстрельных статей в силу. Нам известны авторы и содержание этих записок, которые еще предстоит постепенно внедрить в научный оборот. Главное, однако, в том, что ход истории способен изменяться под воздействием точечных акций людей, обладающих знанием законов истории. Уже в конце 50 гг. была возможность избежать застойной петли в социалистической динамике, предупредить разрыв с Китаем и совершить совместно с КНР тот модернизационный марш, который удалось осуществить китайским коммунистам в одиночку только в XXI столетии.

К сожалению, и в 1985 г. не удалось повторить корректирующее воздействие. Историкам еще предстоит найти объяснение тому, почему силы агентов влияния оказались мощнее сил социалистического переустройства. Известно лишь, что заработавшая с опозданием на 20 лет перестроечная «команда реформ» начала 90 гг. была ориентирована на перекачку средств России в гигантский финансовый пузырь Запада. 19 августа 1991 г. погиб Советский Союз в тот момент, когда возник ГКЧП, и Украина провозгласила независимость. Б. Ельцин стал ключевой фигурой российской политики и в конце года он сформировал кабинет из сторонников лондонской школы общества Мон Пелерин, организованной Ф. фон Хайеком и М. Фридманом — проводниками наиболее радикальной неолиберальной идеологии экономической дерегуляции и минимизации роли государства. На Западе эта

идеология была сформулирована в виде тэтчеризма в Англии и рейганомии в США.

Среди русских хайекианцев уже тогда были заметны премьер-министр Е. Гайдар, руководитель приватизации А. Чубайс, министр финансов Б. Федоров и русский директор МВФ Б. Кагаловский. Эти реформаторы вышли из гнезда Лондонского института экономической политики во главе с лордом Харрисом — руководителем ведущего «мыслительного танка» общества Мон Пелерин. Последнее было образовано в 1947 г. профессором лондонской школы экономики Ф. фон Хайеком с целью уничтожения независимых государств, образовавшихся после Второй мировой войны. Именно проект Харриса под патронажем Сороса и был реализован командой реформаторов Б. Ельцина.

В России после расстрела Советской власти в 1993 г. единственным источником власти объявляется многонациональный российский народ. По Конституции России «РФ — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». В нашей стране должны охраняться труд и здоровье людей. Реальные же условия привели к противоположному результату. Это означает, что формирующий их строй оказался не способен обеспечить достойные условия для поддержания жизни и свободного развития большинства. Тем самым обнаруживается, что «социально-экономический строй» и «конституционный строй» суть разные вещи. Первый вступил в противоречие со вторым, осуществляя фактически его насильственное свержение. В такой ситуации гражданским долгом президента, юриста Д.А. Медведева выступает призыв к защите Основ конституционного строя. Задача дня в буржуазной республике — демократическими методами обеспечить установление в интересах большинства нового общественно-экономического устройства: гуманного, эффективного и справедливого. Легитимность такого социально-эволюционного призыва не вызывает сомнений. Для его реализации потребуется переход от правых антинародных реформ в интересах агрессивно-хищного меньшинства к их следующему этапу — «неоиндустриальному», вбирающему

в себя позитивные черты предшествовавших формаций, использующему весь накопленный историей культурный потенциал и специфическую ментальность русского народа. В противном случае соблюдение формальной законности при отказе от практического вмешательства в общественные процессы в интересах большинства будет вполне соответствовать классической характеристике юридического мышления: юридически — значит фальшиво. Или, как сформулировал В. Маяковский «Кому бублик, а кому дырка от бублика — это и есть буржуазная республика!»

Прошедшие в 2009 г. выборы показали, что они вполне соответствовали такой классификации — были свободными, но несправедливыми. Часть общества еще долго будет настаивать на возврате к доперестроечному старому советскому социализму. Таковы адепты и человеческий потенциал традиционных левых партий, в первую очередь, КПРФ. Старый советский социализм характеризовался всемогуществом государства, господством плана, полным подчинением личных интересов общественным, уничтожением частной собственности на все средства производства. Однако с середины 60-х годов, когда все перечисленное существовало, в СССР стал нарастать системный кризис, приведший к социальному взрыву. Наш народ прекрасно понимал, что в стране отсутствуют свободные выборы, и Верховный Совет не представляет истинное народовластие. Обюрократившаяся КПСС не способна была оставаться «определяющей и направляющей политической силой». В социально-экономической области было, с одной стороны, — гордость за бесплатное образование, здравоохранение, низкую квартирную плату, уверенность в завтрашнем дне, мощную науку, непобедимую армию, поддержку развивающихся стран, и в то же время — бесконечные очереди, унижающий дефицит, отчуждение трудящихся от результатов собственного труда. Старый политический режим создавал атмосферу неволи, двойной морали, озлобленности. В погоне за экономическим могуществом государство проглядело нарастающее социальное разочарование, снижение качества жизни.

В результате, к началу 80-х гг. люди в полной мере осознавали необходимость политических и экономических

преобразований для исправления накопленных за десятилетия ошибок и перехода к новому этапу развития. Призыв «Больше демократии, больше социализма» поддержало тогда большинство населения. Однако обнаружилось, что ни власть, ни общество не имеют Проекта Нового пути. Люди не видят, куда идти — потерял высокий смысл жизни, а выдвинутый «Единой Россией» в ходе избирательной кампании «план Путина» лишь говорил о том, как превратить наше общество в «корпорацию Россию», сделать страну всего лишь «конкурентоспособной». Обществу в период избирательной кампании навязывалось мнение, что «иного не дано» и что выбор сделан. В этом и была причина депрессии и молчания, использования административного ресурса властью и игнорирования выборов всех уровней большинством народа.

В ближайшие годы нам предстоит третья перестройка, она позволит через трансформацию повседневности войти в историю самым широким массам. Станет ли она синтезом — после тезиса и антитезиса — покажет время. Бурлящий арабский мир и левеющая Латинская Америка показывают варианты внезапных мутаций. Очевидно, что и у нас любые действия, направленные на деградацию или развитие культуры, разрушение или созидание традиционной нравственности, воссоздание или разделение частей некогда единой страны, разрушение или интеграцию нынешней РФ, могут и должны рассматриваться в едином силовом поле исторического процесса. Например, изменение структуры федеративного устройства России и переход на укрупненную систему городских агломераций, может по-разному рассматриваться в контексте образования русского социалистического государства или в контексте распада буржуазной российской государственности и формирования панславянского мондиалистского союза.

Те процессы, которые в 2011 г. набирают силу, показывают, что российское руководство объективно сеет хаос в стране. Возможная цель таких действий — введение войск НАТО для охраны ядерных объектов и расчленение единой территории, доселе охраняемой советскими баллистическими ракетами. В числе разрушающих российскую государственность

мер находится предложение о введении воинской службы для иностранцев в российской армии, о передаче части властных полномочий в первую очередь в сфере законодательной ветви власти оппозиционным партиям (в первую очередь — законопослушным коммунистам, забывшим выражение своего классика о «парламентском кретинизме»), увеличение страхового процента для отечественного малого бизнеса, его вытеснение крупными сетями и малым иностранным предпринимательством, разжигание ожесточенности классовой борьбы посредством разорения отечественных предпринимателей и перевода их (а также привыкших к буржуазной гламурной жизни членов их семей) в состав рабочего класса сферы обслуживания. Первые забастовки малого бизнеса уже прошли 1 декабря 2010 г. — по всей Свердловской области остановили на 2 часа работу частные аптеки, автомойки, мастерские, кафе. Уж лучше такая упущенная двухчасовая прибыль, чем бесславное исчезновение из истории. Не переходить же автомойкам на западные стандарты помывки автомобилей обнаженными девушками в сопровождении качка, а парикмахерским — стрижки парикмахерами топless с использованием интимных стрижек и массажа!

Будет ли трагедией распад РФ для русского народа и его ядра — людей социалистической ориентации? Полагаем, что нет, поскольку сегодня у русских «забрали» государство, его нет, и распад России станет ступенью к дальнейшей эволюции подобно тому, как распад Римской империи не был трагедией входивших в его состав народов — он стал началом возникновения и развития современных европейских наций. Значит ли все это, что ученым евразийской научной ориентации следует отказаться от исследования личности и рассматривать индивида (в переводе — далее неделимый атом общества) только как продукт более сложной системы социальных отношений? Разумеется, нет, поскольку личность и общественные отношения, в конечном счете, тождественны: единство личности и общественных отношений проявляется в том, что потребности и есть свернутые в структуре личности общественные отношения. А последние — развернутые вовне потребности социализированного человека. В этом пафос ранних и еще доначальных

работ Маркса. Однако, пафос зрелого марксизма заключается в том, чтобы признать — личность понимается, изучается, а права ее реализуются и защищаются только при условии реализации защиты прогрессивных социальных групп, этносов и наций. И именно это первично, а личность — вторична. Евразийство стоит на позициях социального холизма, а не социологического методологического индивидуализма.

Старый советский анекдот может стать подспорьем в понимании сложной проблематики формирования континента науки Личности, в котором личность получает научное понимание и верную концептуальную трактовку. Эта трактовка, повторим, заключается в том, что человек не Робинзон буржуазной социологии и политэкономии, он отдельно не существует. Он не сказочный Маугли Киплинга и не Кай логических суждений — «Кай смертен». Человек — если хотите, мудрый чукча, который вернулся со съезда партии и сообщил в красной яранге односельчанам — «Партия учит — все во имя человека, все на благо человека. И чукча видел этого человека!» Вопрос, следовательно заключается в создании системы социального устройства, альтернативной западной, где во главе угла стоит идеологема личности. Не потому ли сейчас бомбит Запад Ливию, что народная Джамахирия создала альтернативное и во многом подобное советской власти справедливое общественное устройство, в котором личность свободна и права человека не были нарушены?

1. Дугин А.Г. Евразийский путь как национальная идея / А.Г. Дугин. М.: «Арктогея-Центр», 2002.